

отграничимся в контексте нашей темы предположением о том, что мир после изобретения Интернета и мобильной связи кардинальным образом изменился. Изменилась и

культура, отвечая новым условиям нашей жизни. И, хотим мы того или нет, ход событий уже изменить нельзя. Киберкультура, куда можно со всем основанием отнес-

ти и ее мобильный сегмент, - это уже вполне устоявшаяся реальность нашего времени, один из основных векторов развития современной цивилизации.

- 1 www.tl.wikipedia.org
- 2 www.lanitor-me.name
- 3 Там же.
- 4 Japanese Cybercultures, London., N.Y., 2003, p. 61.
- 5 Cool Japan. The Exploding Japanese Contemporary Arts (на японском языке), Т., 2005, p. 88.
- 6 Ibid., p. 89.
- 7 Soft Power: Superpowers, Cultural and national assets of Japan and the United States, N.Y., London, 2008, p. 135.
- 8 Ibidem.
- 9 Japanese Cybercultures., p. 4.
- 10 The Japan Times, 2.09.2009.
- 11 Ibidem.
- 12 Ibid.
- 13 Дигитайзу контанцу хакусэ (Белая книга по цифровому контенту), Tokyo, 2008, с. 80.
- 14 www.expert.ru
- 15 www.mobile.ru/news/2007/03/05
- 16 www.otvet.ru
- 17 The Japan Times, 14.03.2009.
- 18 Ibidem.

- 19 www.liveinternet.ru/communitiy/otaku
- 20 The Tribune, 26.07.2009.
- 21 Manga News, 2.08.2009.
- 22 allokalichki.com
- 23 Tryd, 30.06.2008.
- 24 www.vostokmedia.com
- 25 www.advetology.ru
- 26 www.broadcashting.ru
- 27 www.otvet.ru
- 28 www.heprix.ru
- 29 www.lepal.ru
- 30 heprix.ru/news
- 31 Там же.
- 32 www.kommersant.ru
- 33 Japanese Cybercultures., p. 62.
- 34 Kogawa E. Beyond electronic individualism. Online - <http://amarshy.k21ku.ac.jp> (March 2, 2002).
- 35 Japanese Cybercultures., p. 19.
- 36 Japan Times, 25.03.1999.
- 37 Japanese Cybercultures., p. 52.
- 38 Ibidem.

ДОМ ЯКОБЯНА

АЛЯ АЛЬ-АСУАНИ

З а два часа до призыва на пятничную молитву мечеть Анас бен Малека заполнилась молящимися. Все они были студентами-мусульманами, некоторые одеты по-европейски, но большинство в пакистанскую одежду: белая или голубая галабейя до самых пят, шаровары того же цвета, а на голове белая чалма, конец которой спускался на шею. Они были почитателями шейха Мухаммеда Шакира, его сторонниками и пришли в мечеть на пятничную молитву заранее, чтобы занять место до столпотворения. Это время они проводили, знакомясь, читая Коран и обсуждая религиозные темы. Верующие все прибывали, наконец, стало совсем тесно, и организаторам пришлось расставить десятки ковров на площади перед

Продолжение. Начало см.: «Азия и Африка сегодня», 2010, № 1.

мечетью. Площадь тоже наводнили молящиеся, полностью перекрыв уличное движение. Даже скрытый от взоров верхний баюкон мечети, отведенный для женщин, судя по сильному шуму на нем, был набит до отказа. Заработал микрофон - раздавался режущий свист, затем звук стал чистым, и один из студентов начал нараспев, мелодичным благовеющим голосом читать Коран. Остальные внимательно всеми фибрами души. Атмосфера была искренней, истинно чистой, а примитивно-суровая, аскетическая сцена напоминала о первых днях ислама. Вдруг раздалась приветствия и возгласы «Аллах велик!» Люди столпились, чтобы пожать руку наконец прибывшему шейху Шакиру - пятидесятилетнему человеку среднего роста, с жидкой бородкой, крашеной хной, лицом, не лишенным приятности, и большими, живыми кари-

ми глазами. Как и остальные, он надевал мусульманскую одежду, а поверх нее - черную накидку... Он знал большинство столпившихся вокруг и принимал пожимать им руки, обнимать и распрощивать, как дела - это заняло немало времени. Наконец шейх поднялся на кафедру, освещил рот и произнес: «Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного». Возгласы «Аллах велик!» раздались так громко, что стены мечети задрожали. Шейх поднял руку, и вмиг воцарилось молчание. Он начал свою проповедь с хвалы Аллаху и благодарностей Ему, затем произнес:

- Любимые мои сыновья и дочери...

Я хочу, чтобы каждый из вас задавал себе вопрос: сколько лет человек живет на этой земле? Средняя продолжительность жизни человека в самом лучшем случае - не более 70 лет... Если мы вдумаемся, то

поймем, что это ничтожно малый срок... В любой момент человека может поразить смертельная болезнь или он может стать жертвой несчастного случая. И если вы переберете в памяти своих знакомых и друзей, то обязательно вспомните того, кто погиб юным. Того, кто умер в молодости и не думал о ранней смерти... Если мы продолжим рассуждать, то придем к выводу, что человек в этом мире выбирает один из двух путей, и третьего не дано. Он тратит все свои силы на короткую, мирскую, бренную жизнь, которая вопреки ожиданиям может превратиться в любую секунду, и уподобляется тому, кто решил построить для себя на берегу моря роскошный дом из песка, который в любой момент смоем накатившей морской волной. И это ложный путь. Что касается второго пути, выбрать который нас призывает Всевышний, то он заключается в том, чтобы мусульманин жил в земном мире, зная, что это лишь мимолетное состояние вечно существа духа. Так человек обретет и то, и другой мир, будет всегда счастливым, его ум и совесть успокоятся, и никого он не будет бояться, кроме Всевышнего... Правоверно не пугает смерть, поскольку он не считает ее концом существования, как думают материалисты. Смерть для правоверного есть переход духа из бренного тела в жизнь вечную. Только такая искренняя вера позволила нескольким сотням первых мусульман победить армии громадных империй - персов и римлян. Тем скромным мусульманам удалось поднять знамя ислама во всех концах света благодаря силе веры, готовности отдать жизнь ради Аллаха и глубокой ненависти к сомнительным мирским наслаждениям... Аллах наказал нам усердствовать в распространении Его слова. Усердие джихада есть такая же обязанность мусульманина, как молитва и пост.

Джихад важнее других предписаний, но морально разложившиеся правители, которые правили исламским миром в период кризиса, падали на деньги и удовольствия, задумали, с помощью лицемерных ученых, исклочьить джихад из обязанностей мусульманина, потому

что они поняли, что люди, сплоченные в джихаде, раскачают и опрокинут их трон. И так, запретив джихад, они лишили ислам его истинного смысла и превратили нашу великую религию в бессмысленные обряды, которые мусульманин совершает как спортивные упражнения - набор простых движений... Отказавшись от джихада, мусульмане стали рабами этого мира, жаждавшими его благ и трусливо ожидающими смерти. Враги их одолели и унизили, а Аллах поразил их, наслав на них отсталость и нищету, ибо они нарушили завет Всевышнего...

Любимые мои сыновья и дочери...

Наши правители убеждают нас, что правят по шариату, и одновременно утверждают, что управляют нами по законам демократии... Аллах знает, что они лгут и в первом, и во втором... Исламский шариат не действует в нашей несчастной стране, нас судят по французским светским законам, которые разрезают пьanstvo, разврат, негражданские связи. Государство само заинтересовано в этом, оно зарабатывает на азартных играх и продажах алкоголя, а потом из этих грязных денег платит мусульманам зарплату. Да будут нечестивцы прокляты, да лишит Бог их жизни своего благословения. Так называемое демократическое государство фальсифицирует выборы и хватает невинных, пытается их, чтобы правящая верхушка удержалась у власти навсегда... Они лгут, лгут и лгут и хотят, чтобы мы верили их жалкому вранью... И вот что мы являем им во весь голос... Народ не хочет ни социализма, ни демократии... Мы хотим ислама, ислама... И мы сделаем все возможное и невозможное, пожертвуем всем, чтобы Египет обратился в ислам... Ислам и демократия - две крайности, которые никогда не сойдутся... Как может вода сойтись с пламенем, а свет с ночью?.. Демократия означает самоуправление народа, а ислам знает только поклонение Богу. Они задумали подвергнуть положения шариата осуждению в Народном Собрании, чтобы господда депутаты решили, годятся ли они или не годятся...

«Тяжки слова, выходящие из их ртов, и говорят они одну только ложь». Истинно, шариат велик и священ, его нельзя обсуждать, ему нужно подчиняться и немедленно исполнять, даже через силу, даже если это кому-то не нравится... Давайте, дети мои, обратимся нашим сердцами к Аллаху, все вместе сейчас на этом благословенном собрании поклонемся, что будем искренни в своей вере, что каждая частица нашей жизни будет отдана ей, мы отдадим наши ничто не значащие жизни ради высокого слова божьего...»

Раздались восклицания и крики «Аллах велик!», от которых задрожали стены. Шейх преврал свою речь и опустил взгляд. Когда вновь воцарилась тишина, он произнес:

- Сыновья! Задача исламской молодежи - вернуть понятие джихада как священной войны в умы и сердца мусульман. Ведь именно это страшит Америку, Израиль и наше лицемерное правительство. Они трепещут при мысли о великом возрождении ислама, который набирает мощь в нашей стране. Немногочисленные воины Хезболлы и Хамасы¹, ведущие священную войну, смогли нанести удар такому гиганту, как Америка, и непобедимому Израилю, в то время как армия Абдель Насера потерпела поражение, потому что сражалась за мирское, совсем забыв о божественном... Воодушевление шейха достигло апогея, и он воскликнул:

- Джихад, джихад, джихад! Потомки Абу Бакра, Омара, Халеда, Саада!² Надежда ислама возложена сегодня на вас, как когда-то на ваших великих предков... Ведите священную войну во имя Аллаха и отрекитесь от этого мира, как отрекся от него имам Али ибн Абу Талиб³, да будет доволен им Аллах! Аллах следит за тем, как вы исполняете Его завет. Будьте тверды, ибо ничтожные проигрывают... Миллионы мусульман, униженные сионистами-оккупантами и обеспеченные ими, вызвают к вам, чтобы вы вернули их оскорбленное достоинство... Исламская молодежь! Говорю вам, что сионисты пьянствуют и приводят проститутку во двор нашей мечети аль-Акса... А вы что делаете?!

Болнение студентов усилилось, кто-то в первом ряду встал, развернулся к толпе и закричал срывающимся от возбуждения голосом: «Запад! - нет, и нет - Восток! Да - исламу!» Сотни голосов подхватили за ним призыв, и все студенты скандировали гимн джихаду единым мощным, как гром, голосом. Десятки дрожащих пронзительных криков раздались с женского балкона. Загремел голос шейха Шакира, достигший вышешего напряжения: «Клянусь Аллахом, это место чистое, благословенное, над ним кружат ангелы. В вас я вижу исламское государство и его громадную силу, я вижу вратов народа, дрожащих от страха перед силой вашей веры. Да свершится, по воле Аллаха, вашими чистыми от скверны руками справедливое правосудие над нашими правителями-предателями, прислужниками западных крестоносцев...»

Он собрался молиться, и за его спиной сгруппировались сотни студентов. Взволнованным мягким голосом он прочитал над ними суру «Семейство Имрана»:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Они сказали своим братьям, отсиживаясь дома: «Если бы они послушались нас, то не были бы убиты». Скажи: «Отверните смерть от себя, если вы говорите правду».

Ником образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и полагуют у своего Господа.

Радуйся тому, что Аллах даровал им по Своей милости, и ликуя от того, что их последователи, которые еще не присоединились к ним, не познают страха и не будут опечалены.

Они радуются милости Аллаха и щедрости и тому, что Аллах не теряет награды верующих, которые ответили Аллаху и Посланнику после того, как им нанесли ранение. Тем из них, которые вершили добро и были богобоязненны, уготована великая награда.

Люди сказали им: «Народ собрался против вас. Побойтесь же их». Однако это лишь приумножило их веру, и они сказали: «Нам достаточно Аллаха, и как прекрасен этот Попечитель и Хранитель!»

Они вернулись с милостью от Аллаха и щедротами. Это не коснулось их, и они последовали за довольством Аллаха. Воистину, Аллах обладает великой милостью. Правдив Великий Аллах!»

* * *

Сразу после молитвы студенты поспешили пожать шейху руку, затем группами по четыре человека расселись во дворе мечети, чтобы, познакомившись, вместе почитать и разоборать Коран. Шейх Шакир медленно вышел из-за кафедры и через небольшую низкую дверь прошел в свой кабинет, где толпились студенты, по разным причинам жаждавшие встречи с ним. Они кинулись обнимать его, некоторые хотели поцеловать руку, но он решительно убрал ее. Шейх сидел и внимательно выслушивал вопрос каждого, после разговора вполголоса студент удалялся... В конце концов в комнате не осталось никого, кроме нескольких человек, в их числе оказались Халед Абдель Рахми и Таха аль-Шаали. Это были приближенные к шейху люди. Одному из них шейх сделал знак, и тот закрыл дверь на засов... Тунный студент с длинной бородой обратился к шейху, говоря высоким взволнованным голосом:

- Благородель! Разве это ответ органам?.. Те, кто противостоят нам, схватили наших людей в их домах и без обвинения бросили в тюрьму... Предлагая протестовать любым способом... бастовать, выйти на демонстрацию, требовать освободить наших арестованных братьев...

Халед прошептал Тахе, указывая на тунного студента:

- Это брат Тахир, эмир общины всего Каирского университета... Он заканчивает медицинский...

Шейх выслушал студента и после недолгого раздумья произнес все с той же улыбкой:

- Ничего хорошего от провокации органов не будет... Сегодня этот режим сотрудничает с американцами и сионистами якобы для освобождения Кувейта... А через несколько дней начнется несправедливая, безбожная война, в которой мусульмане-египтяне будут убивать своих братьев-иракцев

под предводительством Америки. И когда народ восстанет против египетского правительства, людей, с божьего соизволения, поведет исламское движение... Мне кажется, теперь ты понял меня, мой мальчик... Службы госбезопасности провоцируют нас, чтобы мы отвели и, таким образом, дали им повод нанести сокрушительный удар по исламистам. Разве в сегодняшней пропаганде ты не заметил, что я ограничился общими словами и не сказал открыто о готовности войны? Если бы я раскритиковал присоединение Египта к коалиции, завтра бы они закрыли мечеть, а она нужна мне, чтобы собрать здесь молодежь, когда начнется война... Нет, мой мальчик... Глупо, если мы сами сейчас дадим им шанс. Оставь их, пусть только начнут убивать наших братьев в Ираке под руководством неверных и сионистов, и ты сам увидишь, что мы тогда сделаем, если позволим Воевышней...

- А кто сказал Вам, что они развяжут войну?.. Почему Вы так в этом уверены? Сегодня ими арестовано уже двадцать человек из руководства исламского движения, а завтра, если мы не будем сопротивляться, схватят остальных... резко возразил юноша.

Нависла тишина, атмосфера стала напряженной. Шейх с укором посмотрел на молодого человека и произнес все с тем же спокойствием:

- Я молю Аллаха, чтобы он избавил тебя от такой вспыльчивости, мой мальчик... Силен лишь тот правоправный, который управляет своим гневом, как учил нас избранный Аллахом Пророк, молитвы Аллаха ему и его приветствия... Я знаю, как ты любишь своих братьев, как верен своей религии, поэтому ты и разгневан... Успокойся, мой мальчик, клянусь тебе Всевышним, что мы ударим по этому безбожному режиму, и будет бой с божьей помощью и в положенное время.

Шейх замолчал, потом пристально посмотрел на юношу и подвел итог:

- Это все, что я хотел сказать... Я приложу все усилия, даст Бог, чтобы освободить арестованных.

Слава Аллаху, у нас везде есть друзья... Что касается забастовки или демонстрации, то на данном этапе я их не одобряю.

Молодой человек опустил глаза, как будто приказав себе молчать, и попросил разрешения уйти. Он по очереди пожал руки присутствующим, а когда дошел до шейха, наклонился и поцеловал его дважды в голову, чтобы снять, таким образом, осадок от возникших между ними разногласий. Шейх ответил ему ласковой улыбкой и дружески похлопал по плечу. Затем студенты стали расходиться один за другим, пока не остались только Таха и Халеда Абдель Рахим. Он подошел к шейху и представил спутника:

- Благодетель! Это брат Тахаль-Шази, мой сокурсник по экономическому факультету, о котором я вам рассказывал.

- Добро пожаловать! Как дела, сынок? Много о тебе слышал от твоего друга Халеда, - приветствовал Таху шейх.

Давно знакомые с Тахой аль-Шази теперь с трудом могли его узнать, он резко преобразился, его как подменили. И дело не в мусульманской одежде, на которую он сменил свой европейский костюм, и не в бороде, благодаря которой он выглядел грозным и солидным, старше своих лет, и не в том крохотном уголке, который он устроил себе рядом с лифтом у входа в здание, где сменялся во время призыва на молитву с бородастым бра-том, студентом-инженером, живущим на пятом этаже... Это все внешние перемены - что же касаясь его внутреннего мира, то он обрел новый, сильный и независимый дух. Он стал по-другому ходить, сидеть и разговаривать с соседями по дому. Он навсегда рас-прощался с самоунижением, страхом, перестал заискивать перед ними. Сейчас он уверенно смотрел им в лицо, его совершенно не терпел ни малейших приди-рок или оскорблений с их стороны. Его не волновали ничтожные бумажки, которые он ему подавали; он копил деньги, но уже совсем на другие вещи... Прежде всего он укреп-

лял веру, ибо Аллах дает средства к существованию, кроме того, шейх Шакир задействовал его в торговле религиозной литерату-рой - в свободное время он совер-шал привычные пешие прогулки, которые приносили ему приличную сумму. И теперь он учился любить людей и ненавидеть их, согласно тому, как предписано. Он узнал от шейха Шакира, что человечество, злое и ничтожное, недостойно любви, а мирские качества людей заслуживают ненависти. И чувства к ним должны быть определены со-гласно шариату. Изменилось его отношение ко многим вещам: раньше он любил некоторых жи-льцов, потому что они были добры с ним и давали щедрые чаевые - те-перь он стал презирать их за то, что они забросили молитву и уто-ребляли спиртное. Он настолько полюбил братьев из мусульман-ской общины, что мог пожертво-вать ради них жизнью... Его пре-жние светские принципы рухнули, как рушится здание, давшее тре-щину, а на их месте возникли пра-вильные мусульманские критерии оценки людей и вещей. Сильная вера, поселившаяся в его сердце, освободила его от страха и зла. Он перестал бояться смерти и не бла-гоговел перед каждой тварью, пусть даже сильной и влиятельной. Он ничего не страшился в этой жизни, кроме как ослушаться и противиться Бога. И все это бла-годаря Аллаху, великому и могущест-венному, и шейху Шакиру, который при каждой встрече укреплял его в вере, умножал его знания ислама. Таха полностью его и, став его при-ближенным, привязался к нему. Шейх позволял Тахе приходить к себе домой в любое время, а такой чести он удостоивал лишь избран-ных. От прежней жизни в Тахе оста-лось только одно: его любовь к Бу-сейне. Он старался подчинить свои чувства к ней новому образу мыс-лей, но напрасно. Таха хотел заста-вить ее соблюдать предписания: «Я принесу ей книгу «Хиджаб и день Страшного суда», - думал он. Он давил на нее, чтобы она прочи-тала книгу, и, наконец, настоял на том, чтобы она пошла вместе с ним в мечеть Анас Малек послушать проповедь шейха Шакира. Однако

на Бусейну, к его удивлению и огорчению, проповедь не произве-ла никакого впечатления - она от-кровенно созналась Тахе, что ей было скучно. Это стало поводом для ссоры... Они начали часто соо-бщаться, на каждом свидании она выводила его из себя, он злился и всякий раз уходил с решением окончательно повзвать с ней. Вся-кий раз, как он рассказывал о Бу-сейне шейху, перед ним появля-лась спокойная сияющая улыбка. «Мальчик мой, ты не можешь руко-водить тем, кого любишь, ибо Ал-лах ведет тех, кого хочет...» - слы-шал он. Слова шейха все время звучали в его голове, и он дал себе клятву больше не искать встреч с любимой. Однако прошло немного времени, и он отступился от своего решения, сожалея о нем, так как по-прежнему страстно хотел ее ви-деть. Но каждый раз, когда он воз-вращался, чтобы помириться с Бу-сейной после очередного разлада, он все чаще сталкивался с ее без-различием. Сегодня он не пошел в университет только ради того, что-бы увидеть ее... Утром он поджи-дал ее у входа в дом и, когда она вышла, постеснялся к ней:

- Доброе утро. Бусейна! Можно тебя на два слова?

- У меня нет времени, - холодно ответила она и с презрением про-шла мимо. Но он, не справившись с собой, притянул ее за руку. Снача-ла она сопротивлялась, потом под-далась и испуганно прошептала:

- Отпусти руку, тебе нужны про-блемы?

Они шли в потоке прохожих в напряженном молчании, пока не пришли на свое любимое место на площади ат-Тауфикиа. Как только они сели, Бусейна захлебнулась раздраженным криком:

- Что тебе надо от меня?! Ты каждый день будешь создавать мне проблемы?!

Как ни странно, его возбужде-ние куда-то делось, будто его и не было, и через минуту он сделал усилие, чтобы ровным голосом, ища сочувствия, сказать:

- Прощу тебя, Бусейна, не сер-дись на меня.

- Я спросила, что тебе надо.
- Я хочу разозлиться в том, что слышал...

- Ну, разбирайся.
- В каком смысле?

- А в том, что все это правда. Она спровоцировала его и подталкивала к разговору на грани разрыва.

- Ты ушла из магазина Талыля?

- Ушла от Талыля, а сейчас работаю у Заки аль-Десуки... Это что, грех, позор, наш достойный шейх?

Таха приглушенно произнес:

- Заки аль-Десуки... О нем идет дурная слава...

- Да, у него не лучшая репутация, особенно по части женщин... Но он платит мне шестьсот фунтов в месяц... На моей шее семья, а ты, уважаемый, не можешь заплатить за обучение детей, за еду и воду, и мне остается только соглашаться...

- Бусейна! Побойся Бога!.. Ты хороша девушка.. Не гневи Господа! Поступай по советам, и Аллах позаботится о твоей жизни...

- Да, Аллах, конечно, позаботится, но нам нечего есть.

- Я найду тебе достойную работу...

- Найди себе, дорогой, а я своей довольна.

- Вот как!

- Да, так!.. Что-нибудь еще? - спросила она с издевкой, и ее опять охватила злоба. Она поднялась, встала перед ним и, поправляя волосы, перед тем как уйти, произнесла:

- Слушай, Таха! Вот что я скажу тебе напоследок... Наши отношения закончились... Каждый из нас теперь пойдет своей дорогой... И нам незачем видаться...

Она странно улыбнулась и двобавила, отступая:

- Да, ты отпустил бороду и стал религиозен, а я ношу короткое и открытое... Похоже, мы не пододим друг другу...

* * *

Тесной и скромной была квартира шейха Шакира... Она ютилась в двухэтажном здании из красного кирпича в небольшом квартале Дар эс-Салым. Вместе с шейхом в двух комнатах и гостиной жили две его жены и семеро разновозрастных детей обоего пола. Шейх догормился с посещающими его сту-

дентами об условном знаке... Три стука подряд... Именно так и поступал Таха аль-Шази. «Иду...», - донесся до него голос шейха. Он услышал шорох: это женщины перешагнули в дальнюю комнату. Тажелыми шагами шейх медленно приблизился к двери, отсаллился и, произнеся молитву, открыл засов:

- Таха... Добро пожаловать, мой мальчик!

- Извините за беспочвенность, но мне надо поговорить с Вами...

- Проходи, пожалуйста... Ты не пошел сегодня в университет?

Таха сел на диван у окна и рассказал, что произошло между ним и Бусейной. Ничего не скрывая, он поведал шейху о своих чувствах. Тот слушал, перебирая четки. Рассказ прерывался, когда шейх встал, чтобы принести поднос с чаем, и тут же продолжил - учитель выслушал Таху до конца. Шейх задумался в молчании и произнес:

- Мальчик мой, истинная вера не считает любовь грехом, если она не противоречит шариату и не гневит Бога. Как говорится в сказаниях, достоверность которых неоспорима, самый достойный из рабов Аллаха, наш Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, любил госпожу Айшу. Проблема в том, чтобы ты выбрал женщину, достойную твоих чувств. Как описать такую женщину? Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Женщину берут замуж за ее красоту, ее состояние и ее веру... И если предпочтешь ты веру остальному, будешь благодетель». Правдив Посланник Аллаха! Истинно мусульманское воспитание не дадо бы тебе страдать так, как ты сейчас страдаешь. Ты и другие ребята твоего поколения не получили мусульманского воспитания, потому что родились в светском государстве. У вас светское образование, и вы мыслите категориями, далекими от веры. Ваши сердца тьнутся к исламу, но вашему разуму нужно время, чтобы избавиться от мирского и обратиться в ислам. Знаешь, я говорил тебе много раз, как любить по божьим законам и как ненавидеть по божьим законам. Без этого ты не станешь мусульманином. Твои нынешние

страдания - это неминуемое следствие того, что ты, пусть и в чем-то одном, отдалешься от Бога. И если бы ты спросил себя с самого начала, когда приступаешь к своей подруге, соблюдает ли она исламские предписания... Если бы ты поставил условие, чтобы она придерживалась норм ислама, если хочешь быть с тобой, ты бы не пришел к тому, что имеешь сейчас.

Шейх налил два стакана чая и предложил один из них Тахе, затем поставил чайник на металлический поднос, уже выцветший от старости, и сказал, не спеша отхлебывая чай:

- Только Аллаху известно, как я люблю тебя, сынок. Я не хочу, чтобы ты приходил к своему шейху опечаленный, а он вместо утешения читал тебе нотации. Но, клинись Аллахом, я дам тебе совет: забудь эту девушку, Таха, потому что она - заблудшая, а ты - правый, и выбери себе мусульманку, как и ты. Научись забывать, прибегни к молитве и чтению Корана. Сначала тебе будет трудно, но с божьей помощью станет легче. Неужели ты забыл свою веру, Таха?.. Где усердие джихада?.. Где твой долг перед мусульманами и исламом?.. Вчера началась грязная война, и наши правители по приказу неверных стали убивать мусульман... Вся мусульманская молодежь Египта должна встать против этого безбожного правительства. Можешь ли ты, Таха, изо дня в день малодушно принимать гибель тысяч мусульман и заниматься беспутой девчонкой, которая бросила тебя ради разврата?.. Аллах, великий и могущественный, не спросит тебя в Судный день о Бусейне. Ты будешь держать ответ за то, что ты сделал ради победы ислама... Что ты скажешь Аллаху, когда настанет день Страшного Суда?!

Потрясенный, Таха опустил глаза и с горечью и стыдом ответил:

- Я много раз обещал Аллаху забыть ее, но, к сожалению, все еще думаю о ней...

- Шайтан так просто не выпустит твою душу из своих когтей, и не сразу ты обретешь твердость. Усердие души, Таха, - это «большой джихад», как назвал его Про-

рок, да благословит его Аллах и приветствует.

- Что же мне делать, благодетель?

- Нужно молиться и читать Коран... Упорствуй в этом, мой мальчик, пока Аллах не войдет в твоё сердце... И давай ты пообещаешь мне, Таха, что никогда не будешь видиться с этой девушкой, что бы ни было...

Таха посмотрел на шейха, но промолчал...

- Это будет договор между нами, Таха, и я уверен: ты выполнишь его с божьей помощью...

Шейх поднялся, чтобы открыть ящик старого письменного стола, вынул из него фотографии, вырезанные из иностранных газет, и бросил их Тахе на колени со словами:

- Взгляни на эти снимки... Рассмотри их хорошенько... Это наши братья-мусульмане в Ираке, их тала разорвали бомбы, сброшенные войсками коалиции... Посмотри, что от них осталось, а среди них - женщины и дети... Вот что делают с мусульманами и их детьми... И наши правители - предатели, соучастники преступлений неверных...

Шейх выдернул одну фотографию и ткнул ее Тахе прямо в глаза:

- Вглядись в лицо этой иракской девочки, изуродованное американской бомбой... Разве ты не в ответе за этого невинного ребенка, как за свою сестру и мать?.. Что ты сделал, чтобы спасти ее? Ну как, твоё сердце все еще тоскует по этой распутой дежке?

Видеть фотографию обезображенного ребенка было невыносимо, и Таха сказал с горечью:

- Мусульманских детей убивают таким чудовищным способом, а в это время египетское телевидение стонет величайших богословов Аль-Азхара⁴, чтобы они уверили нас, что позиция египетского правительства не противоречит шариату. Они вообразили, что ислам может оправдать их содействие Америке, наносщей удар по Ираку.

Шейх, впервые так разволновавшись, повысил голос:

- Эти шейхи - лицемеры и нечестивцы, придворные знатоки права. Как велик их грех перед Аллахом!.. Ислам никак, ни под каким

предлогом не позволяет, чтобы мы вместе с неверными участвовали в убийстве мусульман... Эти принципы знает каждый студент-первокурсник, знакомый с шариатом... Таха закивал головой, соглашаясь с шейхом. Вдруг, будто спохватившись, шейх сказал:

- Послушай... Завтра, если поволит Всевышний, твои братья устроят в университете большую демонстрацию... Не хочу, чтобы ты пропустил ее...

Он помолчал мгновение, потом продолжил:

- Сам я никогда не смогу возглавить демонстрацию, но брат Тахир завтра будет вашим эмиром, если поволит Всевышний... Сбор у актового зала после полуденной молитвы...

Таха кивнул и, извинившись, хотел было уйти, но шейх попросил его задержаться и исчез где-то в глубине, затем вернулся и, улыбаясь, вручил ему брошюрку:

- Это «Хартия исламского действия»... Я хочу, чтобы ты прочитал ее сам, а потом мы с тобой все обсудим. Она избавит от дурных мыслей, которые тебя одолевают.

* * *

С раннего утра волна протеста охватила студентов почти всех факультетов. Они остановили учебный процесс и перекрыли лестницы. Потом многолюдная толпа начала шествие - все выкрикивали лозунги и несли в руках плакаты, резко осуждающие войну в Заливе. Когда раздался призыв к полуденной молитве, на площадке напротив актового зала выстроились рядами около пяти тысяч студентов и студенток (юноши впереди, а девушки за ними), чтобы совершить молитву. На молении предстал брат Тахир, эмир мусульманской общины университета. Собравшиеся прочитали поминальную молитву по невинно убиенным мусульманам в Ираке. Сразу после этого Тахир поднялся на самую верхнюю ступеньку лестницы напротив входа в зал. Чернобородый, одетый в белую галабею, он внушал уважение, а его голос звучал, усиленный микрофоном:

- Братья! Пришло время прекратить убийства мусульман в

братском Ираке. Наш исламский народ, пока еще не объединился, и это на руку нашим врагам. Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал в священном хадисе: «Благо в единоверцах до Судного дня...» Давайте, братья, скажем наше громкое, разящее слово, чтобы его услышали те, кто в рукопашности соединил свои руки и грязные руки врагов, запачканные кровью мусульман... Исламская молодежь! Сейчас мы с вами здесь разглагольствуем, а ракеты неверных ровняют братский Ирак с землей. Они кичатся тем, что в шепки разнесли Багдад, оставив от него одно только воспоминание. Говорят, что Багдад вернулся в каменный век после того, как они полностью разрушили электростанции и водоснабжение. Сейчас, братья мои, каждый миг невинно гибнут тысячи иракских мусульман, а американские снаряды прожигают их тела до костей. И только умножил горе тот факт, что наше правительство подчинилось американскому и израильскому вместо того, чтобы направить оружие армии мусульман против сионистов, которые присваивают палестинские земли и оскверняют мечеть аль-Акса. Наше правительство отдало египетским солдатам приказ убивать ваших братьев-мусульман в Ираке...

О, мои братья по исламу! Скажите громко праведное слово! Скажите его так громко, чтобы услышали те, кто торгует мусульманской кровью и копил награбленное в швейцарских банках...»

Со всех сторон раздались возгласы - это кричали студенты, сидящие на плечах у других, и тысячи голосов подхватили их лозунги с еще большим воодушевлением:

«Западу - нет, и нет - Востоку! Да - исламу!»

«Эй, еврей, армия Мухаммеда идет скорее!»

«Эй, правитель-паша! Почему кровь мусульманская наша?»

Тахир поддал им знак, и они затихли. Загремел его гневный голос:

- Вчера по всему миру телевидение показало кадры: американский солдат готовился сбросить снаряд, чтобы убить наших людей в Ираке... Вы знаете, что американ-

ские свиньи написали на этом снаряде, прежде чем его сбросить? Они написали: «Привет Аллаху!» Мусульмане!.. Они издеваются над вашим Богом, а вы бездействуете? Они убивают вас, насилуют ваших женщин, насмеются над Всевышним... У вас совсем нет чести и мужества? Джихад, джихад, джихад... Пусть все услышат наш голос... Нет этой грязной войны!.. Нет смерти мусульман от руки мусульманина!.. Клянусь Аллахом, мы умрем, но не станем лакомым куском в пасти врага... Мы никогда не будем американской подстилкой, которую они выбросят, когда им вздумается...

Тахир закричал срывающимся от волнения голосом:

- Аллах велик!.. Аллах велик!.. Долгой сионистов!.. Смерть Америк!.. Долгой предателей!.. Ислама! Ислама!

Его подняли на руки, и огромная толпа двинулась в сторону главного входа университета. Демонстранты хотели выйти за ворота, чтобы люди на улице влились в их ряды, но отряды службы безопасности уже ждали их перед университетом. Как только студенты вышли на площадь, на них набросились вооруженные дубинками солдаты в шлемах, с металлическими щитами и стали жестоко избивать. Студенты кричали, многие падали, получая ранения, их кровь лилась по асфальту. Однако новые и новые группы продолжали выходить из ворот университета. Многие бросались наутек, пытались убежать от преследовавших их солдат. Этим студентам удалось пересечь университетскую площадь и вновь собраться у моста. К ним устремились резервный отряд службы безопасности, и тогда сотни студентов метнулись в сторону посольства Израиля. Спецназ выскочил с тыльной стороны здания и забросал студентов бомбами со слезоточивым газом. Все заволокло дымом, и началась беспрерывная пулеметная очередь...

* * *

Днем Таха участвовал в демонстрации, но в последний момент, когда службы безопасности начали хватать студентов перед израиль-

скими посольством, ему удалось бежать. Согласно уговору, Таха направился в кофейню «Auberge» на площади Сайеда Зейнаб, чтобы встретиться кое с кем из братьев и миром Тахиром. Тот подавал итог событий этого дня и дал им оценку, а потом грустно заключил:

- Эти преступники использовали бомбы со слезоточивым газом как дымовую завесу, а затем открыли огонь боевыми патронами... Геройской смертью пал ваш брат Халид Харби с юридического факультета. Мы безропотно пережили эту утрату и просили Аллаха простить все его прегрешения. Да будет Аллах к нему милосерден! Да будет земля ему пухом! Да попадет он в рай!

Все присутствующие прочитали фатиху за упокой души невинно убиенного, их охватили горе и ужас. Затем брат Тахир объяснил всем их задачи на завтрашний день - связаться с зарубежными новостными агентствами, чтобы распространить новость о невинно убитом Халиде Харби, навестить семьи арестованных и организовать новые демонстрации там, где органы безопасности не ожидают... Тахе поручили сделать стенгазету и повесить ее рано утром на факультете. Для этого Таха приобрел набор цветных карандашей и несколько рулонов ватмана, закрылся в своей комнате на крыше и настолько погрузился в работу, что даже не спустился в молельню и совершил вечерние молитвы в одиночестве. Он задумал оформить десять листов текстами и рисунками. Уже за полночь он завершил работу. Таха сильно устал и сказал сам себе, что у него осталось совсем немного времени, чтобы постараться: к семи он должен быть на факультете. Он сделал два коленопреклонения, выключил свет, лег на правый бок и перед сном повторил ставшие привычными слова: «О Аллах! Я предался Тебе, и вручил Тебе дело свое, и обратил к Тебе лицо свое, и на Тебя положился по желанию моему и из страха перед Тобой. Нет убежища и нет спасения от Тебя, кроме обращения к Тебе, уверовал я в Твое Писание, которое Ты ниспослал, и в Твоего Пророка, которого ты по-

слал»... Таха погрузился в глубокий сон и через некоторое время понял, что уже спит. Проснувшись он от каких-то невнятных голосов, открыл глаза и различил очертания призраков, движущихся по комнате в потоках. Вдруг вспыхнул свет, и он увидел трех здоровых мужчин, стоявших возле его кровати. Один из них подошел к нему и с силой дал пощечину, потом схватил его за голову и резко повернул ее вправо. Тогда Таха впервые заметил молодого офицера, который строго спросил:

- Ты Таха аль-Шазли?

Он ничего не ответил, а сотрудник службы безопасности сильно ударил его по голове и по лицу. Офицер повторил вопрос, и Таха еле слышно произнес:

- Да...

Офицер нагло ухмыльнулся: - Вообразил себя командиром, суксин сын...

Это было сигналом, и на Таху опять обрушились побои. Удивительно, но он не сопротивлялся, не кричал, даже не прикрыл лица рукой. Ошеломленный, он подставил свое тело под удары агентов, которые скрутили его и вытащили из комнаты...

* * *

Большой грузовик притормозил перед домом Якобына... Фургон был наглухо закрыт, за исключением нескольких зарешеченных окошек. Пиная и толкая Таху аль-Шазли огромными ботинками, солдаты подтащили его к машине. Перед тем как бросить его в фургон, ему завязали глаза черной повязкой, заломили руки за спину и нацепили наручники. Он почувствовал, как металл сдирает кожу с запястий. Фургон оказался до отказа набит арестованными. На протяжении всего пути они не переставали выкрикивать: «Нет бога, кроме Аллаха! Ислама! Ислама!», как будто эти лозунги помогали им преодолеть страх и напряжение. Охрана не трогала кричащих, но машина рванула вперед на предельной скорости, и арестованные попадали друг на друга. Вдруг фургон затормозил, и они услышали скрип старых железных ворот. Грузовик поехал медленнее, потом снова остановился.

Задняя дверь открылась, и взвод солдат с криками и бранью, поспонимав форменные ремни, принялся избивать ими вываливающихся из машины студентов. Их крики заглушил лай полицейских собак. Таха сразу же попытался бежать, но огромный пес прыгнул на него, повалил на землю и стал рвать ему клыками грудь и шею. Таха перекатился на живот, чтобы защитить лицо от собачьих клыков. Он думал о том, что они не дадут собакам растерзать их до смерти, но если будут погибшие, то они попадут в рай. Юноша держался и повторял про себя аяты Корана, вспоминал отрывки из проповеди шейха Шакира. Он ощутил, что сначала физическая боль достигает предела, когда ее совсем уже невозможно вынести, а потом чувствительность постепенно пропадает... Вдару как по команде собаки остановились. Несколькими минутами арестованные продолжали лежать во дворе. Потом солдаты снова принялись жестоко их избивать и уводили одного за другим. Тахе показалось, что его толкают вдоль длинного коридора. Затем открылась дверь, и он вошел в большое помещение с густым от сигаретного дыма воздухом. Он начал различать голоса сидящих офицеров. Они обменивались привычными репликами и смеялись. Затем один из них встал, дал ему пощечину и проорал в лицо:

- Имя, твою мать!
- Таха Мухаммед аль-Шаали.
- Что-о? Не слышу.
- Таха Мухаммед аль-Шаали.
- Громче, уболюд.

Таха прокричал как можно громче, и офицер дал ему пощечину. Издеваясь, он повторил вопрос еще три раза. Затем на Таху обрушились новые пинки и удары, и он упал на пол. Его подняли, и тут он впервые услышал тихий сиплый голос, говоривший уверенно и спокойно. Никогда больше в жизни Таха не забудет этот голос:

- Отставить всем... Хватит битья...

Этот мальчик кажется разумным и сообразительным... Давай, сынок, подойди сюда... Его подтолкнули в ту сторону, откуда раздавался голос. Таха убедился в том, что этот человек был главным.

Он сидел за столом по центру.

- Как тебя зовут, малыш?
- Таха Мухаммед аль-Шаали.

Ему было трудно говорить, во рту чувствовался обжигающий вкус крови... Начальник продолжал:

- Таха, видно, что ты хороший, воспитанный мальчик. Зачем ты, сынок, делаешь такое с собой? Ты понимаешь, что с тобой происходит? А дальше? Считай, что пока ты еще ничего не видел! Посмотри на этих военных. Они так и ждут момента отделить тебя как следует. Ночью они пойдут по домам есть и спать, но придут другие, они будут избивать тебя до утра, а утром вернутся из дома прежние и будут бить тебя уже до поздней ночи... Тебе нравится так - давай, но, если сдохнешь, мы закопаем тебя прямо там, где стоишь... Нам все равно... Ты не сравнивай себя с нами... Мы правительству... Ты, Таха, не стоишь своего правительства... Ты понимаешь, в какую беду ты попал? Послушай, дорогой... Хочешь, освобожу тебя прямо сейчас? Ты хочешь пойти к родным, к отцу, матери? Они сейчас беспокоятся о тебе...

Последнюю фразу он произнес так, как будто ему уже надоело откровеничать. Таха почувствовал, как сильная дрожь пробежала по его телу. Он очень старался держаться, но не сумел, из его горла вырвался резкий, похожий на вой звук, и он расплакался жгучими слезами. Офицер подошел к нему, похлопал по плечу:

- Нет, Таха... Нет, не плачь, дорогой. Мне, правда, жалко тебя... Послушай, уминица... Ты дашь нам сведения о твоей организации, и я обещаю выпустить тебя в тот же миг... Ну, как?
- Ни в какой организации я не состою... - прокричал Таха.
- А зачем хранишь «Хартию исламского действия»?
- Читал...

- Это, дорогой, книга организации... Давай, Таха, говори... Бог ведет тебя... За что ты отвечаешь в организации?
- Я не знаю никаких организаций.

Опять посыпались удары. Таха почувствовал, как боль снова перешодит свою критическую точку, что-

бы стать лишь мыслью о чем-то далеком. Голос начальника звучал по-прежнему спокойно:

- Зачем так, сынок... Почему не расскажешь, что знаешь, и не спасешь себя?
- Клянусь великим Аллахом, па-

ша, я ничего не знаю.

- Как хочешь, это будет твой грех... Подумай, я здесь - единственный добрый человек... Эти офицеры - безбожники и подонки, они не только бьют... Они творят ужасные вещи... Будешь говорить или нет?
- Клянусь великим Аллахом, я ничего не знаю.

- Basta... Дело твоё. Как только офицер произнес это слово, слово оно было сигналом, на Таху набросились со всех сторон. Его опрокинули на пол, и множество рук приподняло его галабею, сдернуло нижнее белье. Он сопротивлялся, как мог, но на него навалились, притворив тело к полу руками и ногами. Пара огромных ладоней, протянувшихся к нему, взяла его за ягодицы и разделила их. Таха почувствовал, как что-то твердое всаживают ему в проход, и как рвутся внутренние ткани. Он стал кричать. Кричал изо всех сил. Вопил, пока не почувствовал, что глотка его разодрана.

(Окончание следует)

¹ *Хезбола* - радикальная шиитская группировка, созданная в 1982 г. в Ливане. На сегодняшний день действует по всему миру, имеет резко антизападную и антиамериканскую направленность. Хамас - организация, основанная в 1987 г. как часть группировки «Братья-мусульмане». Ставит главной целью изгнание израильтян и создание исламского палестинского государства на месте Израиля.

² Абу Бакр, Омар, Халид, Саад - сподвижники Пророка Мухаммеда.

³ Али ибн Абу Талиб - двоюродный брат Пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф. Выдающийся воин, образец бескорыстия и верности слову.

⁴ «Аль-Азхар» - крупнейший в мире научно-исследовательский и учебный исламский центр. Построенный одновременно с Каиром в 970-972 гг. «Аль-Азхар» на протяжении всей своей истории оставался важнейшим и авторитетнейшим институтом юридических наук, богословия и арабской филологии. Главой мусульман Египта является Великий имам «Аль-Азхара». В «Аль-Азхаре» обучаются мусульмане со всего мира, в том числе и из России.